

ПРОБЛЕМА АККУЛЬТУРАЦИИ В РОМАНЕ Б. МУКЕРДЖИ «ЖАСМИН»

М. К. Попова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 ноября 2008 г.

Аннотация: в работе проанализировано, как Б. Мукерджи, современная американская писательница индийского происхождения, на примере героев романа «Жасмин» показывает разные варианты аккультурации.

Ключевые слова: иммиграция, аккультурация, ассимиляция, двунаправленная трансформация, новые способы ассимиляции.

Abstract: the paper analyzes how B. Mukherjee, modern American writer of Indian origin, represents different types of acculturation as exercised by the characters of her novel «Jasmine».

Key words: immigration, acculturation, assimilation, double transformation, new patterns of assimilation.

Миграция населения в результате самых разных причин стала в настоящее время одним из глобальных вызовов. Как справедливо заметил в эссе «Мысли об изгнании» Э. Саид, «современная западная культура во многом творение изгнанников, эмигрантов, беженцев» [1].

Одной из сложностей, с которыми переселенцы и изгнанники неизбежно сталкиваются в новой для них стране, является проблема вживания в чужую культуру, проблема вторичной социализации или аккультурации. Эта проблема хорошо знакома современной американской писательнице индийского происхождения Бхарати Мукерджи. Она родилась в 1940 г. в индийской Калькутте в состоятельной индусской семье. В автобиографии «Четырехсотлетняя женщина» (1991) Б. Мукерджи пишет: «Я родилась в социальном слое, существовавшем вне пространства родного языка. В городе, который боялся собственного будущего и подготовил меня тем самым к иммиграции. Я посещала школу ирландских монахинь в Калькутте, считавших ее вечнозеленым и тропическим уголком Англии. По-бенгальски моя страна называется Дэш, и это означает скорее «родная земля», нежели «нация». Я никогда не видела дом предков моего отца, поскольку теперь он находится в Бангладеш, но говорю на его диалекте и считаю, что тоже принадлежу Фаридпуру — маленькой зеленой деревушке, где он родился» [2, с. 310].

Отец будущей писательницы принадлежал к высшей жреческой касте браминов, был человеком образованным, химиком, в 1947 г. он был приглашен на работу в Англии, где семья прожила несколько лет. Вспоминая о детских го-

дах, в интервью, данном Р. Виргиссон для «Журнала южнотихоокеанской ассоциации по изучению языка и литературы стран Британского содружества», она говорила: «В Англии дома я говорила по-бенгальски, в школе я говорила по-английски. Таким образом, в то время я была абсолютно бикультурной и двуязычной» [3].

Родители Мукерджи поощряли стремление трех дочерей к хорошему образованию, Бхарати получила в 1959 г. диплом бакалавра искусств в университете Калькутты, а в 1961 — диплом магистра по английскому языку и древней индийской культуре. Затем, во исполнение своей давней мечты стать писательницей, она отправилась в университет штата Айова, чтобы пройти двухгодичный курс писательского мастерства. Там Мукерджи влюбилась в товарища по учебе, канадского писателя американского происхождения Кларка Блеза, и вышла за него замуж. В 1963 г. она получила в университете Айовы степень магистра изящных искусств, а в 1969 — степень доктора наук в области английского языка и сравнительного литературоведения.

Уехав с мужем на его родину, Бхарати в полной мере испытала на себе трудности, с которыми сталкиваются иммигранты. Она подвергалась дискриминации, с ней относились как к представительнице «видимого меньшинства» [4]. «...Ее выгоняли из гостиничных вестибюлей, если с ней не было мужа, на междугородних автобусах отправляли на заднюю площадку, в нее плевали» [4]. В Канаде она создала свои первые романы «Дочь тигра» (1971) и «Жена» (1975). Несмотря на то, что еще в 1972 г. Мукерджи получила канадское гражданство, в 1980 г. семья переехала в США. Здесь ей вскоре были присуждены Национальная премия

критики (National Book Critics Award, 1988) и престижный грант (National Endowment for the Arts grant, 1989), она стала профессором университета Калифорнии в Беркли. Творческие достижения Б. Мукерджи после переезда в США включают романы «Желанные дочери» (2002), «Оставьте это мне» (1997), «Я держу мир» (1993), «Жасмин» (1989), сборники рассказов «Темнота» (1985), «Посредник» и другие рассказы» (1988).

Будучи высокообразованным ученым-филологом, Б. Мукерджи осмысливает проблему взаимодействия культур и в теоретическом аспекте. В интервью Р. Шочу она говорит: «Для меня быть американским писателем означает находиться в самом лучшем месте для наблюдения за тем, как формируются новые модели ассимиляции — культура изменяется каждую секунду по мере того, как к ней добавляются новые люди» [4]. А на его вопрос, по-прежнему ли американская нация является «плавильным котлом», отвечает: «Все меньше и меньше. Традиционно Америка ожидала, что иммигранты возьмут на себя весь труд трансформации и приспособления...»

Но иммигранты, прибывшие в Америку после 1965 г., особенно те, кто искал убежища по экономическим причинам, поступают по-иному. Они задаются вопросами: «от какого количества родной культуры следует отказаться и какое количество американской культуры усвоить?» Как я это понимаю, с течением времени — и часто вопреки усилиям самих иммигрантов — унаследованные и усвоенные системы ценностей сливаются воедино [4].

По мнению писательницы, «до 1965 г. в Америку иммигрировали в основном белые европейцы, христиане или евреи. Люди, пытавшиеся иммигрировать из Азии, Африки, Латинской Америки, имели значительные трудности. Но в 1965 г. система квот была заменена системой качества (merit system), и это облегчило переезд в США значительного числа образованных, городских, не-белых профессионалов и их семей» [4].

Озабоченность Мукерджи судьбами иммигрантов определяет содержание и характер ее художественного творчества. Так, роман «Жасмин» повествует о девушке, которая иммигрирует в США из Индии. Комментируя это произведение в интервью с Чен и Гуди, писательница сравнила его композицию с могольскими средневековыми миниатюрами, которыми она чрезвычайно увлекается. «Как миниатюра периода Акбара, мой роман в концентрированном виде содержит истории иммиграции многих второстепенных героев» [5].

Как и могольские миниатюры, роман «Жасмин», по справедливому утверждению автора, «сфокусирован на нескольких точках: через опыт перемещения и вживания проходят все героини-иммигранты» [5]. В этом романе представлены разные варианты аккультурации, воплощенные в судьбах разных персонажей.

Так, на примере женщин из племени конхабаль Б. Мукерджи показывает нулевую ассимиляцию. Конхабаль — группа языков древних майя, в наше время на разных вариантах этого языка говорят несколько десятков тысяч человек, в основном в Гватемале и отчасти в Мексике. Жасмин, нелегальная иммигрантка, встречает конхабальских женщин во Флориде, когда скитается по дорогам этого штата. Она забредает на овощную плантацию, где трудится конхабальская бригада. Встречают ее очень недружелюбно, опасаясь конкуренции, однако в ситуацию вмешивается Лилиан Гордон, белая ледиквакерша, которая забирает Жасмин в свой дом на сваях и спасает от голодной смерти. Позднее Жасмин скажет о ней: «Для меня в ней воплотилось лучшее из моего американского опыта и настоящий американский характер» [6, с. 137]. В доме Лилиан жили три женщины племени, незаконно въехавшие в США. Все они потеряли мужей и детей в резне, устроенной армией. «Женщины племени конхабаль совсем не говорили по-английски. Должно быть, дом Лилиан на сваях казался им безопасным гарнизоном на враждебной территории» [6, с. 134]. Индианки не стремятся приобщиться к американской жизни, стать ее частью. В понимании писательницы, их аккультурации препятствует прежде всего языковой барьер. Миссис Гордон говорит Жасмин: «Посмотри на этих бедных конхабаль — они едва говорят по-испански» [6, с. 137]. Сама Лилиан выучила язык конхабаль, чтобы общаться со своими подопечными. Она обучает их готовить американскую пищу, мыть посуду и убирать дома с использованием моющих средств — чтобы они «могли наняться в прислуги» [6, с. 134]. Ужасы, пережитые индейцами племени конхабаль на родине, побуждают их рассматривать США прежде всего как место, где они могут физически выжить. В изображении Б. Мукерджи, их не волнует, смогут ли они занять сколько-нибудь достойное место в американском обществе, стать американскими гражданами.

Иной уровень и иной вариант аккультурации представлен профессором Девиндером Вадхера и его семьей. Вадхера был преподавателем Пракаша, мужа героини, в техническом колледже в Джаландхаре и очень ему помогал, ссужая деньгами на книги и плату за обучение. Иммигри-

ровав в США, он прислал своему лучшему студенту информацию о Международных институтах во Флориде, которые принимали выпускников джаландхарского колледжа. По его совету Пракаш подал заявление и был принят в один из них, однако попасть в Америку ему так и не довелось — он погиб от взрыва бомбы сикхских террористов в магазине. Героиня решает выполнить мечту мужа уехать в США. Однако цель у нее иная — она собирается сжечь парадный костюм Пракаша на кампусе того института, где он собирался учиться, и взойти на этот костер, чтобы умереть вслед за ним. Но и этой мечте не суждено сбыться. После того, как Пол-Луны, капитан траулера, привезшего героиню в США, насилует ее и издевательски примеряет костюм Пракаша, она убивает его, а костюм сжигает в мусорном баке.

С помощью Лилиан Гордон Жасмин оказалась в Нью-Йорке, где живет профессор Вадхера. Согласно индийским обычаям, профессор и его семья легко приняли героиню, как она пишет, «просто потому, что я была беспомощной вдовой его лучшего студента» [6, с. 137]. Семья Вадхера состояла из его пожилых родителей и молодой жены Нирмалы, которая недавно приехала из Индии и вышла замуж за профессора по сговору. Экономически семья вполне приспособилась к Америке, но внутренне, психологически — нет.

Вадхера жили во Флашинге, северной части Квинса, самого пестрого в этническом отношении и второго по населению жилого района Нью-Йорка. В 1970—1980 Квинс активно заселяли выходцы из Индии. Из 50 квартир их дома 30 были заняты бывшими соотечественниками Жасмин. Для Вадхера характерно «гипертрофированное чувство групповой солидарности» [1], они старались общаться только с бывшими соотечественниками. В квартире профессора царила «искусственно поддерживаемая индийскость» [6, с. 145]. Жизнь семьи протекала в узком кругу индийской диаспоры и индийского квартала.

Вадхера не только сохраняют максимально индийский образ жизни и быт, но и внутренне остаются прежде всего индийцами. Старшая миссис Вадхера недовольна невесткой, потому что «в Индии мать мужа является в семье абсолютным тираном. Молодая жена должна дрожать под ее взглядом. Но в Нью-Йорке, где жена работает, свекровь не имела возможности проявлять свою злобную власть» [6, с. 147]. Взаимоотношения между профессором и его женой также строятся по старой «феодальной» модели: Нирмала называет мужа «он». Описывая

взаимоотношения супругов, рассказчица замечает: «Он следовал древнему рецепту супружеского согласия: молчание, порядок, власть. Ему же следовала и она: покорность, красота, невинность» [6, с. 151]. Аккультурацию семьи Вадхера можно назвать очень слабой, если не сказать отрицательной.

Наибольшего успеха в аккультурации достигают Ду и Жасмин. Они стремятся «срочно восстановить свою жизнь из осколков» и являются носителями «жизнестойкой идеологии» [1], но и их аккультурация имеет различия. Ду — вьетнамский мальчик, которого усыновил Бад Рипплмейер, американский муж героини. Он приехал в Америку 14-летним подростком и быстро ассимилировался. Для Ду вхождение в американскую культуру и американское общество чрезвычайно важно. За короткую жизнь ему пришлось пройти через многое. Ему доводилось убивать, он выжил в лагере для беженцев, где ел червяков, где его мать и брата зарубил какой-то сумасшедший, завидуя, что они получили американские визы. Приехав в Америку, он почти не говорил по-английски. Аккультурация Ду идет через овладение языком, бытовыми привычками и электроникой.

Первое, о чем он спросил Бада при телефонном транстихоокеанском разговоре, есть ли в его новой семье телевизор. В родной семье в Сайгоне они смотрели ТВ, и это стало для мальчика знаком мирной семейной жизни. К моменту, когда Жасмин рассказывает свою историю, Ду прожил в США уже три года, он бегло говорит по-английски и успешно учится в школе. Он перенял многие привычки американцев, во многом он ведет себя как обычный американский тинейджер: пьет молоко прямо из картонной коробки, вынутой из холодильника, вместе с товарищем смотрит фантастические фильмы, растянувшись на ковре, ходит на футбольные тренировки, водит машину, сдал экзамен по вождению с первой попытки. Он усвоил и некоторые ценности американской культуры, такие, как белозубая улыбка. Недаром в качестве рождественского подарка он просит приемных родителей оплатить визит к ортодонту.

Американизация Ду выглядит полной, но это не так. Настоящего слияния с новой культурой у него нет. Внутренний мир подростка закрыт даже от приемных родителей и друзей. «В школе его зовут Йоги, в основном потому, что по-английски звук его имени напоминает «Йо». Но он настоящий йог, всегда держит себя под контролем» [6, с. 18].

Ду технически одарен, увлекается усовершенствованием бытовой электроники. Он присоеди-

нил электронный будильник Жасмин к кофеварке на кухне, переделал выключатели в своей комнате так, что они автоматически включают радио. Но при этом в своих технических дерзаниях Ду по сути остается человеком технически неразвитого и бедного мира. «Бад замечает, что у него дар делать что-нибудь из отбросов, приспособившись, дар к соответствующей технологии» [6, с. 155].

Втайне от приемных родителей, он поддерживает связь с вьетнамской общиной, заказывает по почте вьетнамские поздравительные открытки, копит деньги. Через соотечественников он находит свою сестру, иммигрировавшую в США и живущую в Лос-Анджелесе, и уезжает к ней.

Оценивая различия между собой и Ду, героиня размышляет: «Моя трансформация произошла на уровне генов, трансформация Ду — на уровне дефиса. Мы так удивлялись тому, как быстро он стал американцем, но он гибрид, как и фантастические приспособления, которые он хочет построить. Его школьная характеристика начинается словами: «Ду (Йоги) Рипплмейер, вьетнамо-американец...» [6, с. 222].

Наиболее подробно Б. Мукерджи описывает аккультурацию Жасмин. Ее путь тем более удивителен, что изначально она не собиралась жить в Америке, она приехала в нее умирать. В отличие от женщин племени конхабаль и Ду, она еще до приезда в США знает английский. Это важная предпосылка успешной аккультурации, недаром Лилиан Гордон говорит Жасмин, что ей повезло, что «Индия когда-то была британской колонией» [6, с. 132].

Если Ду после трех лет в Америке говорит с акцентом, напоминающим акцент Киссинджера, то язык героини почти нормативен, но имеет налет искусственности. Как пишет о себе она сама, «говорят, что у меня нет акцента, но мой разговор также не похож на разговор уроженцев Айовы. Я напоминаю голоса из телефонной трубки, очень четкие и успокаивающие... Ду утверждает, что их производит компьютер» [6, с. 13].

Внешним знаком приобщения героини к новой культуре становится смена имен. При рождении девочка получает индийское имя Джиоти, что значит «свет». Пракаш, «современный человек, городской человек» [6, с. 76], называет ее Жасмин. Лилиан Гордон дает ей имя «Джэззи» (Jazzy). Тейлор Хайес, профессор Колумбийского университета, в семье которого молодая иммигрантка служит няней, называет ее Джейз (Jase), Бад Рипплмейер — Дженни. Сама рассказчица воспринимает изменение имени как изменение

своей идентичности: «Джиоти, Жасмин: я качалась между двумя идентичностями» [6, с. 77].

Не менее показательной, чем смена имен, становится в романе смена героиней одежды. Она прибывает в США, имея в чемодане традиционное белое вдовье сари. Лилиан Гордон переодевает Жасмин в вещи своей дочери. Американский стиль в одежде для героини является знаком того, что она сбросила прежнюю идентичность и обрела новую: «Американская одежда скрывала мое вдовство. В футболке и вельветовых брюках меня принимали за студентку» [6, с. 145]. Оказавшись в семье профессора Вадхеры, Жасмин вынуждена вернуться к национальным сари и шароварам, и это ее огорчает как знак деградации. В семье Хайесов ее прежде всего поражает, что профессор Колумбийского университета и его жена, работающая в издательстве, одеты как студенты. В их доме героиня внутренне раскрепощается, впервые в жизни начинает заботиться о своем гардеробе, покупая в бродвейских магазинах украшенные блестками туфли на каблуках, бледно-зеленые шелковые брюки, атласные блузки с откровенными декольте и соблазнительное нижнее белье.

Жасмин меняется, приспособившись к Америке, но она также меняет Америку, привнося в жизнь окружающих ее людей элементы культуры своей родины. Рассказывая о культурном диалоге между собой и Бадом, она говорит: «За прожитые вместе три с половиной года я дала Баду новую троицу для размышлений: Брахма, Вишну и Шива. А он одолжил мне свою — Мьюзил, Брок, Гибсон» [6, с. 8]. «Троица» Бада — это, по всей видимости, культовые фигуры американской культуры в ее «мужском» и невысокоинтеллектуальном варианте — знаменитый бейсболист Стэн Мьюзил (р. 1920), режиссер Питер Брок (р. 1927) и актер Мэл Гибсон. Все они либо являются воплощением благородного мужества и джентльменства, либо воспевают его и соответствуют идеалу Бада — «дисциплина, сила, терпение, характер» [6, с. 22].

Встреча с Жасмин кардинально меняет жизнь Бада. На момент знакомства это 50-летний банкир, счастливо женатый на Карин, отец двух взрослых сыновей. Очень скоро он разводится с женой, которой оставляет городской дом, и поселяется с Жасмин в снятом домике в пяти милях за городом. Ранее он «думал об Азии только как о рынке сбыта сои», но «Азия изменила его, сделала его безрассудным и эмоциональным. Он захотел рассчитаться за 50 лет эгоизма» [6, с. 14].

Идея о том, что процесс аккультурации — это дорога в два конца, что иммигранты меня-

ются сами, но и меняют общество, в которое они включаются, является излюбленным тезисом Б. Мукерджи. Она неустанно повторяет его в своих публицистических работах и интервью. Так, в статье «Что значит быть американским писателем», написанной для службы информационных программ американского правительства, характеризуя свой сборник рассказов «Посредник» и роман «Жасмин», она утверждала: «В то время меня занимала двойная трансформация, осознание, иногда болезненное, исконными сыновьями и дочерьми Америки, что их идентичность изменилась под влиянием этих новых «экзотических» иммигрантов в той же мере, в какой американское влияние вызвало непредсказуемые трансформации в тех, кто в последнее время прибыли с индийского субконтинента, Ближнего Востока, Латинской Америки, Филиппин и Юго-Восточной Азии» [7]. Аккультурация в понимании писательницы — это двунаправленный процесс, который затрагивает не только иммигранта, но и «принимающую» культуру.

*Воронежский государственный университет
Попова М. К., доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы филологического факультета
popova@phil.vsu.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Саид Э. Мысли об изгнании / Э. Саид // Иностранная литература. — 2003. — № 1 (<http://magazines.russ.ru/inostran/2003/saide.html>).
2. Тлостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М. В. Тлостанова. — М. : ИМЛМ РАН, 2000. — 400 с.
3. Virgisson R. Bharati Mukherjee : an Interview / R. Virgisson // Journal of the South Pacific Association for Commonwealth Literature and Language Studies. — 1993. — № 34 (<http://www.mcc.murdoch.edu.au/Readingroom/litserv/SPAN/34/Virgisson.html>).
4. http://voices.cla.umn.edu/vg/entries/mukherjee_bharati.html
5. Chen T. An Interview with Bharati Mukherjee / T. Chen, S. X. Goudie // <http://social.chass.ncsu.edu/jouvert/v1i1/BHARAT.htm>
6. Mukherjee B. Jasmine / B. Mukherjee. — N.Y. : Grove Press, 1989. — 241 p.
7. Mukherjee B. On Being an American Writer / B. Mukherjee // <http://usinfo.state.gov/products/pub/writers/mukherjee.htm>

*Voronezh State University
Popova M. K., Doctor of Philology, Professor of
the Department of West European and US
Literature, Philological Faculty
popova@phil.vsu.ru*